

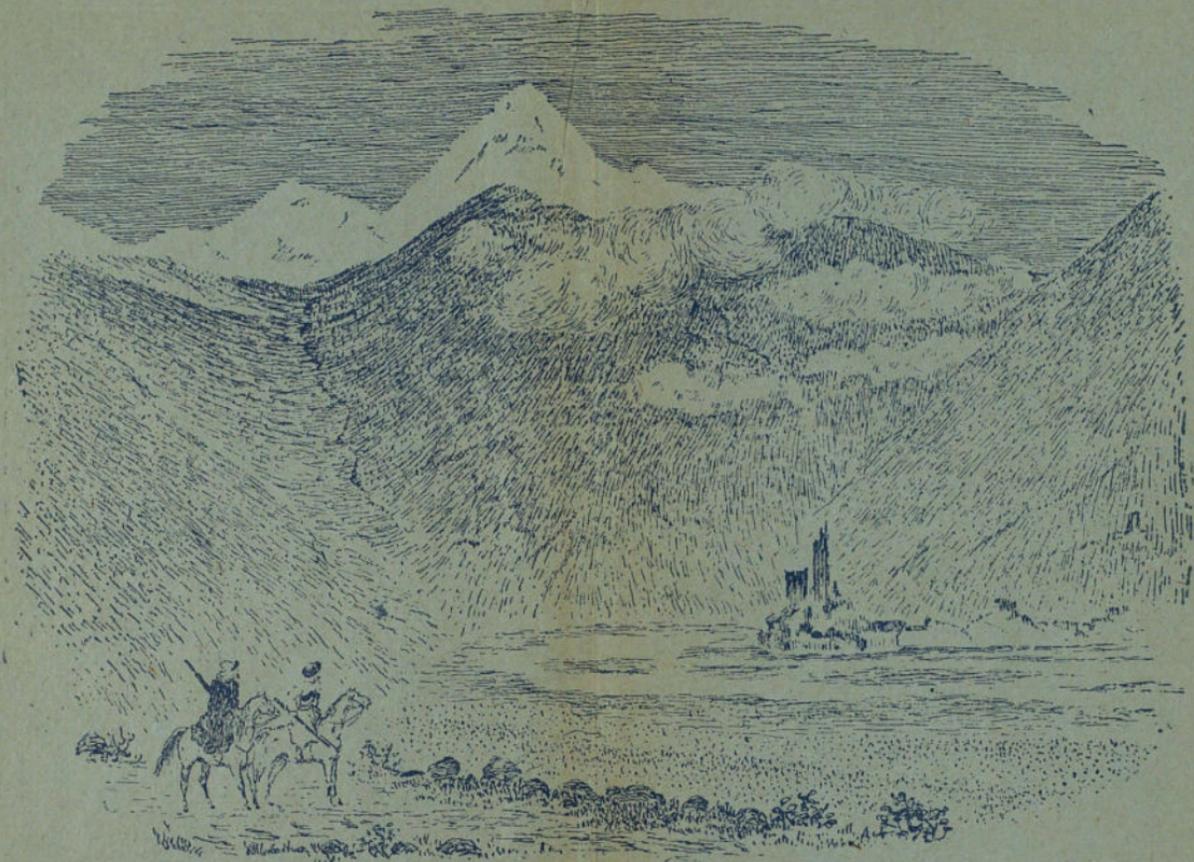
М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

**ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ**

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Л-492

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1938 Ленинград

Михаил Юрьевич Лермонтов.

28038 1957-58 г.

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА~~

693351

Российская государственная
детская библиотека

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в 1814 году 15 октября. Его отец, Юрий Петрович, был бедным отставным офицером, а мать, Марья Михайловна, происходила из знатной и богатой семьи Арсеньевых. Мать умерла, когда Лермонтову не было еще и трех лет. Осиротевшего мальчика взяла к себе его богатая бабушка — Елизавета Алексеевна Арсеньева. С тех пор отца своего он видел редко. Бабушка была в ссоре с Юрием Петровичем и не позволяла мальчику навещать отца.

До тринадцати лет М. Ю. Лермонтов рос в Тарханах — в имении Арсеньевых. Потом его отвезли в Москву и отдали в Университетский Пансион.

В ту пору Лермонтов был замкнутым, молчаливым мальчиком, с крутым лбом и черными умными глазами. Он держался гордо и выделялся среди сверстников. Вначале товарищи задевали угрюмого мальчика, но он был силен, смел и умел постоять за себя. Вскоре его стали уважать и привыкли к тому, что он проводил свободное время один над своими книгами и тетрадями. Читал Лермонтов очень много, чаще и охотнее всего стихи — иностранные и русские. С тринадцати лет он и сам начинает сочинять стихи и мечтает стать знаменитым поэтом. В пансионе он написал свою поэму «Кавказский пленник». Трудно поверить, что автору этой поэмы было всего четырнадцать лет.

Бабушка гордилась стихами внука, но самолюбивый мальчик был требователен к себе. Он не торопился печатать свои стихи и почти никому их не показывал.

Стихи его были не по-детски глубоки и серьезны.

Лермонтов очень рано стал понимать весь позор крепостного права и ненавидеть царское самовластье. Вот что писал он о крепостной России, когда ему было 15 лет:

Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчина!

В 16 лет в одном из своих стихотворений он приветствует французскую революцию, а в другом стихотворении предсказывает, что и в России будет время, «когда царей корона упадет».

Окончив пансион, Лермонтов шестнадцатилетним юношей поступил в университет, но проучился там недолго — всего один год.

На экзамене он поспорил с одним невежественным профессором и наговорил ему дерзостей. После этого он не мог оставаться в университете. Лермонтов поехал в Петербург и поступил там в военную кавалерийскую школу — «Школу гвардейских прапорщиков». Целые дни он проводил в манеже и гимнастическом зале и вскоре стал одним из лучших наездников и фехтовальщиков школы. По рассказам его товарищей он был так силен, что мог из шомполов вязать узлы.

Но вот Лермонтов кончил школу. Ему 20 лет. Он офицер гусарского полка, служба отнимает у него немного времени. Лермонтов, как и все его приятели, часто бывает в домах петербургской знати. Танцует на балах, острит в гостиных, ведет себя, как полагается гусарскому офицеру. Многие из его светских друзей даже и не подозревают, что этот насмешливый, надменный гусар проводит долгие часы в одиночестве у себя за письменным столом — читает, пишет. Стихов своих Лермонтов тогда еще не печатал. Мало кто знал, что он поэт. Его считали самым обыкновенным офицером, каких в Петербурге были сотни.

Но вскоре имя Лермонтова стало известно всей России. Случилось это так: 10 февраля 1837 года умер Пушкин. Весть о гибели поэта тяжело потрясла Лермонтова. Он написал стихи «Смерть поэта» — стихи полные горечи, боли и возмущения.

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи! —

такими гневными словами заклеил он убийц Пушкина — всесильных царских сановников и придворных.

Напечатать это стихотворение в то время было, конечно, невозможно, Лермонтов переписал его и роздал друзьям и знакомым. Через несколько дней оно стало известно всему Петербургу, а затем и всей читающей России. Все, кому был дорог Пушкин, с жадностью читали негодующие строки Лермонтовских стихов, переписывали, заучивали их наизусть. Находили, что стихи эти не хуже тех, что писал сам Пушкин.

Слава поэта, о которой Лермонтов мечтал с детства, наконец пришла к нему. Но слава эта навлекла на него гонения. Стихи на смерть Пушкина привели в ярость царя Николая I и его жандармов. При дворе решили, что это дерзкое стихотворение — воззвание к революции. Лермонтова арестовали, судили и сослали на Кавказ. В то время в горах Кавказа шла упорная, жестокая война — войска Николая I покоряли горцев. В один из полков, действующих на Кавказе, был послан Лермонтов.

Он участвует в утомительных походах и опасных перестрелках... Только на стоянках, во время коротких передышек, ему удается писать стихи. Так была написана одна из лучших поэм Лермонтова — «Песня о купце Калашникове».

Через год, благодаря хлопотам бабушки, Лермонтову разрешили вернуться в Петербург и вновь вступить в тот гусарский полк, где он служил раньше.

В Петербурге Лермонтов знакомится с лучшими литераторами своего времени. Он очень много работает и создает самые замечательные свои произведения.

В это время он уже ясно понял, что он поэт, что ему не место среди светской «шестрой толпы». Он пишет:

О, как мне хочется смутить веселость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

Смелые стихи Лермонтова и в самом деле смущали петербургскую знать. В нем видели опасного бунтаря, боялись его и не любили, как раньше не любили Пушкина. Царь жалел, что позволил ему вернуться в Петербург и ждал только случая, чтобы избавиться от дерзкого поэта. Такой случай скоро представился. На втором году

после возвращения с Кавказа Лермонтов стрелялся на дуэли с одним иностранцем. Дуэль кончилась благополучно, но о ней узнали. Жандармы нашли новый предлог, чтобы арестовать Лермонтова. Поэт опять был сослан на Кавказ. Николай I приказал как можно чаще посылать его в сражения. В бою Лермонтов был бесстрашен и решителен. За это его представили к награде. Но Николай I желал видеть Лермонтова в списке убитых, а не награжденных. Он не утвердил награды и повторил свой приказ держать поэта под пулями.

Стихи Лермонтова печатались в это время в петербургских журналах и вызывали восхищение лучших людей страны, а сам он, затерянный среди гор Кавказа, каждый день, каждую минуту рисковал жизнью.

Наконец Лермонтову удалось по болезни не надолго получить отпуск и побывать в Петербурге. Здесь он надеялся выхлопотать отставку, чтобы целиком посвятить себя литературе. Но Николай I приказал ему немедленно возвратиться на Кавказ. Лермонтов подчинился. Он уехал раздраженный, озлобленный преследованиями. На освобождение от царской службы он больше не надеялся. По дороге поэт задержался в Пятигорске. Здесь у него произошла ссора с одним из его старых товарищей по кавалерийской школе — офицером Мартыновым. Ссора кончилась дуэлью. На этой дуэли 27 июля 1841 года Лермонтов был убит наповал. Он погиб совсем молодым. Ему еще не было и двадцати семи лет.

Царская Россия, которая за четыре года до того убила величайшего русского поэта — Пушкина, обрекла на гибель и его преемника — Михаила Юрьевича Лермонтова. Но то, что он сделал за свою короткую жизнь, царское самодержавие зачеркнуть не могло. Лермонтов стал одним из любимейших поэтов нашей страны.

Е. Купрецова.

ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом...
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы! — он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой.
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

ДВА ВЕЛИКАНА ¹

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ;
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец —
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал,
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

1832

¹ Борьба двух великанов — борьба русского народа с войсками Наполеона в 1812 году.

СМЕРТЬ ПОЭТА

Отмщенье, государь, отмщенье!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. К чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор,
И жалкий лепет оправданья? —
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... — он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. из далека,
Подобный сотням беглецов,¹
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог падить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милой,²
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

¹ Пушкина убил барон Дантес Геккерен — французский аристократ, который бежал от французской революции в Россию и служил в войсках Николая I офицером.

² Лермонтов вспоминает здесь Ленского, одного из героев произведения Пушкина «Евгений Онегин».

Александр Сергеевич Пушкин.

И прежний сняв венок — они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;

Отравлены его последние мгновенья
Коварным шопотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.

Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать. —

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть, есть божий суд, наперстники разврата!
Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

УЗНИК

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустив...

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом;
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: — за дверями
Звучномерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

БОРОДИНО

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана.
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!»

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы.

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат, мусью:
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добратся до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилеж вздремнуть я у лафета,¹
И слышно было до рассвета,
 Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
 Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
 Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
 Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
 Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
— И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
 Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись как тучи,
 И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
 Все побывали тут.

¹ Лафетом называется станок, на котором лежит и перевозится артиллерийское орудие.

28838

Михаил Илларионович Кутузов.

693351

Российская государственная
детская библиотека

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы,
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы.

ТРИ ПАЛЬМЫ

(Восточное сказание)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей зеленой,

И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Кслebleмы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые выюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюды за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке¹ наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копьё на скаку.

¹ Л у к а — изгиб седла.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студёный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнём.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка ¹ о тени он просит —
Его лишь несок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

1839

¹ Пророком мусульмане называют основоположника своей религии Магомета и чтут его как божество.

БЕГЛЕЦ

(Горская легенда)

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрей, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли;
И под пятой у супостата
Лежат их головы в пыли.
Их кровь течет и просит мщенья,
Гарун забыл свой долг и стыд;
Он растерял в пылу сраженья
Винтовку, шашку — и бежит! —

И скрылся день; клубясь, туманы
Одели темные поляны
Широкой белой пеленой;

Пахнуло холодом с востока,
И над пустынею пророка
Встал тихо месяц золотой!..

Усталый, жаждою томимый,
С лица стирая кровь и пот,
Гарун меж скал аул¹ родимый
При лунном свете узнает;
Подкрался он, никем незримый...
Кругом молчанье и покой,
С кровавой битвы невредимый
Лишь он один пришел домой;

И к сакле² он спешит знакомой,
Там блещет свет, хозяин дома;
Скрепясь душой как только мог,
Гарун ступил через порог;
Селима звал он прежде другом,
Селим пришельца не узнал;
На ложе, мучимый недугом,
Один, — он, молча, — умирал...
...«Велик аллах!³ от злой отравы
Он светлым ангелам своим
Велел беречь тебя для славы!» —
— «Что нового?» — спросил Селим,
Подняв слабеющие вежды,⁴
И взор блеснул огнем надежды!..
И он привстал, и кровь бойца
Вновь разыгралась в час конца.

¹ Ау л — горная деревня.

² С а к л я — горная хижина.

³ А л л а х — у мусульман значит бог.

⁴ В е ж д ы — веки.

«Два дня мы билися в теснине;
Отец мой пал, и братья с ним;
И скрылся я один в пустыне
Как зверь, преследуем, гоним,
С окровавленными ногами
От острых камней и кустов,
Я шел безвестными тропами
По следу вепрей и волков;
Черкесы гибнут — враг повсюду...
Прими меня — мой старый друг;
И вот пророк! твоих услуг
Я до могилы не забуду!..»
И умирающий в ответ:
«Ступай — достоин ты презренья.
Ни крова, ни благословенья
Здесь у меня для труса нет!..»
Стыда и тайной муки полный,
Без гнева вытерпев упрек,
Ступил опять Гарун безмолвный
За неприветливый порог.
И саклю новую минуя,
На миг остановился он,
И прежних дней летучий сон
Вдруг обдал жаром поцелуя
Его холодное чело.
И стало сладко и светло
Его душе; во мраке ночи,
Казалось, пламенные очи
Блеснули ласково пред ним;
И он подумал: я любим,
Она лишь мной живет и дышит...
И хочет он взойти — и слышит,
И слышит песню старины...
— И стал Гарун бледней луны:

«Месяц плывет
И тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идет.
Ружье заряжает джигит,¹
А дева ему говорит:
Мой милый, смелее
Вверяйся ты року,
Молися востоку,
Будь верен пророку,
Будь славе вернее.
Своим изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы,
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не заруют.
Месяц плывет
И тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идет».

Главой поникнув, с быстротою
Гарун свой продолжает путь,
И крупная слеза порою
С ресницы падает на грудь...
Но вот от бури наклоненный
Пред ним родной белеет дом;
Надеждой снова ободренный,
Гарун стучится под окном.
Там, верно, теплые молитвы
Восходят к небу за него;

¹ Джигит — лихой наездник, удалец.

Старуха мать ждет сына с битвы,
Но ждет его не одного!..
«Мать — отвори! я странник бедной,
Я твой Гарун, твой младший сын;
Сквозь пули русские безвредно
Пришел к тебе!» — Один? — «Один!..»
— А где отец и братья? — «Пали!
Пророк их смерть благословил,
И ангелы их души взяли».
— Ты отомстил? — «Не отомстил...
Но я стрелой пустился в горы,
Оставил меч в чужом краю,
Чтобы твои утешить взоры
И утереть слезу твою...»
— Молчи, молчи! гяур¹ лукавой,
Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус — и мне не сын!.. —
Умолкло слово отверженья,
И всё кругом объято сном.
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго под окном;
И наконец удар кинжала
Пресек несчастного позор...
И мать поутру увидала...
И хладно отвернула взор.
И труп, от праведных изгнанный,
Никто к кладбищу не отнес,
И кровь с его глубокой раны
Лизал рыча домашний пес;

¹ Гяур — по-турецки значит собака.

Ребята малые ругались
Над хладным телом мертвеца,
В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца. —
Душа его от глаз пророка
Со страхом удалилась прочь;
И тень его в горах востока
Поныне бродит в темну ночь,
И под окном поутру рано
Он в сакли просится стуча,
Но внемля громкий стих корана,¹
Бежит опять, под сень тумана,
Как прежде бегал от меча.

1839

¹ Коран — священная книга мусульман.

ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

* * *

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,¹
И ты, послушный им народ.

Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих царей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

1840

Рисунок, напечатанный на этой странице, сделан самим Лермонтовым.

¹ Лермонтов имел в виду жандармов. Они носили голубые мундиры.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И, молча, в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров ¹ на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

¹ Остров св. Елены, куда был сослан и где умер Наполеон.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —

Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок,

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

* * *

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

1840

УТЕС

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.

1841

* * *

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета как ризой она.

И снится ей всё, что в пустыне далекой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растёт.

1811

На севере диком...

ЛИСТОК

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя;
И вот наконец докатился до Черного моря.

У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песню про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих
изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».

— На что мне тебя? — отвечает молодая чинара, —
Ты пылен и желт, — и сынам моим свежим не
пара.

Ты много видал, — да к чему мне твои
небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима; цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе;
И корни мои умывает холодное море.

СПОР

Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор
У Казбека с Шат-горою ¹
Был великий спор.
«Берегись! — сказал Казбеку
Седовласый Шат: —
Покорился человеку
Ты недаром, брат!
Он настроит дымных келий
По уступам гор;
В глубине твоих ущелий
Загремит топор.

¹ Ш а т - г о р а — одно из названий горы Эльбрус.

И железная лопата
 В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
 Врежет страшный путь!
Уж проходят караваны
 Через те скалы,
Где носились лишь туманы
 Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труден
 Первый был скачок,
Берегися! многолюден
 И могуч Восток!»
— Не боюсь я Востока, —
 Отвечал Казбек, —
Род людской там спит глубоко
 Уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары
 Пену сладких вин
На узорные шальвары ¹
 Сонный льет грузин;
И склонясь в дыму кальяна
 На цветной диван,
У жемчужного фонтана
 Дремлет Тегеран.
Вот у ног Ерусалима,
 Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
 Мертвая страна;
Дальше, вечно чуждый тени,
 Моет желтый Нил
Раскалённые ступени
 Царственных могил;

¹ Ш а л ь в а р ы — широкие длинные штаны.

Бедуин ¹ забыл наезды
Для цветных шатров,
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Всё, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя...
Нет, не дряхлому Востоку ²
Покорить меня! —

«Не хвались еще заране! —
Молвил старый Шат: —
Вот на Севере в тумане
Что-то видно, брат!»

Тайно был Казбек огромный
Вестью той смущен,
И, смутясь, на север темный
Взоры кинул он.
И туда в недоуменье
Смотрит, полный дум;
Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки.
Веют белые султаны ³
Как степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль.

¹ Б е д у и н ы — арабы кочевники.

² Говоря о Востоке, Лермонтов имеет в виду Грузию, Персию, Палестину, Египет и Аравию.

³ С у л т а н — украшение на военном головном уборе. Делается из перьев или конских волос.

Боевые батальоны
Тесно в ряд идут;
Впереди несут знамены,
В барабаны бьют.
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И испытанный трудами
Бури боевой
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.¹
Идут все полки могучи,
Шумны как поток,
Страшно медленны как тучи,
Прямо на восток.

И томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый —
И не счел врагов...
Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку на брови надвинул
И на век затих.

1341

¹ Генерал седой — А. П. Ермолов, руководивший покорением Кавказа.

ПЕСНЯ

Про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и
удалого купца Калашникова

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твоего любимого опричника,
Да про смелого купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный лад,
Мы певали ее под гуслирный звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднес меду пенного,
А боярыня его белолицая
Поднесла нам на блюде серебряном
Полотенцо новое, шелком шитое.
Угощали нас три дня, три ночи,
И всё слушали — не наслушались.

I

Не сияет на небе солнце красное,
Не любятся им тучки синие:
То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.
Позади его стоят стольники,¹

¹ Стольники — придворные, прислуживающие царю за столом.

Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники; ¹
И пирует царь во славу божию,
В удовольствие свое и веселие.

Улыбаясь царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам.
— И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку грудь —
— А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови черные
И навел на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты небес
На младого голубя сизокрылого, —
Да не поднял глаз молодой боец.
— Вот об землю царь стукнул палкою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечником —
Да не вздрогнул и тут молодой боец.
— Вот промолвил царь слово грозное, —
И очнулся тогда добрый молодец.

«Гей ты, верный наш слуга, Кирибеевич,
Аль ты думу затаил нечестивую?»

¹ Опричники — личная охрана и карательное войско Ивана Грозного.

Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная прискучила?
Когда всходит месяц — звезды радуются,
Что светлей им гулять по поднёбесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушаться; —
А из роду ты ведь Скуратовых,
И семьею ты вскормлен Малютиной!»...¹

Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:

— Государь ты наш, Иван Васильевич!
Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную — не запотчевать!
А прогневал я тебя — воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову;
Тяготит она плечи богатырские
И сама к сырой земле она клонится.

И сказал ему царь Иван Васильевич:
«Да об чем бы тебе молодцу кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтан?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?
Или конь захромал худо кованный?
Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

¹ Малюта Скуратов — опричник и палач, любимец Ивана Грозного.

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

— Не родилась та рука заколдованная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;
Аргамак¹ мой степной ходит весело;
Как стекло горит сабля вострая;
А на праздничный день твоей милостью
Мы не хуже другого нарядимся.

Как я сяду поеду на лихом коне
За Москву-реку покатайся,
Кушачком подтянуса шелковым,
Заломлю на бочок шапку бархатную,
Черным соболем отороченную, —
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодушки,
И любятся глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядит, не любится,
Полосатой фатой закрывается...

На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходит плавно — будто лебёдушка,
Смотрит сладко — как голубушка,
Молвит слово — соловей поет,
Горят щеки ее румяные
Как заря на небе божиим;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетенные,
По плечам бегут, извиваются,
С грудью белою целуются.
Во семье родилась она купеческой, —
Прозывается Аленой Дмитривной.

¹ Аргамак — породистый конь из кабардинских степей.

Как увижу ее, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачаются очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони легкие,
Опостыли наряды парчевые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь теперь?
Перед кем покажу удалство свое?
Перед кем я нарядом похвастаюсь?

Отпусти меня в степи Приволжские,
На житье на вольное, на казацкое.
Уж сложу я там буйную головушку
И сложу на копье бусурманское;
И разделют по себе злы татаровья
Коня доброго, саблю острую,
И седельце браное черкасское.
Мои очи слезные коршун выклюет,
Мои кости сирые дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется!..

И сказал смеясь Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вот возьми перстенок ты мой яхонтовый
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе смышленной поклоняйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алене Дмитриевне:
Как полюбишься — празднуй свадебку,
Не полюбишься — не прогневайся».

— Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому...

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярню его белолицую!

II

За прилавкою сидит молодой купец
Статный молодец Степан Парамонович,
По прозванию Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.

Отзвонили вечерню во святых церквах;
За Кремлем горит заря туманная;
Набегают тучки на небо,
Гонит их метелица распеваючи;
Опустел широкий гостиный двор.
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовою
Да замком немецким со пружиною;

Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает,
И пошел он домой призадумавшись
К молодой хозяйке за Москву-реку.
И приходит он в свой высокий дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой скатертью,
А свеча перед образом еле теплится.
И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилась
В такой поздний час Алена Дмитревна?
А что детки мои любезные —
Чай, забегались, заигрались,
Спозаранку спать уложились?»

— Господин ты мой Степан Парамонович,
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алена Дмитревна;
Вот уж поп прошел домой с молодой
попадьей,
Засветили свечу, сели ужинать, —
А по сю пору твоя хозяйюшка
Из приходской церкви не вернулася.
А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачем плачут, всё не унимаются. —

И смутился тогда думой крепкою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу —
— А на улице ночь темнехонька;
Валит белый снег, расстилается,
Заметает след человеческий.

Вот он слышит в сенях дверью хлопнули,
Потом слышит шаги торопливые;
Обернулся, глядит — сила крестная!
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая,
Косы русые расплетенные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные, как безумные;
Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена, шаталася?
На каком подворье, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа твоя вся изорвана?
Уж гуляла ты, пировала ты,
Чай, с сынками всё боярскими!..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобою, жена, обручались,
Золотыми кольцами менялися...
Как запру я тебя за железный замок,
За дубовую дверь окованную,
Чтоб свету божьего ты не видела,
Мое имя честное не порочила...»
И услышав то, Алена Дмитриевна
Задрожала вся моя голубушка,
Затряслась как листочек осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня или выслушай!
Твои речи — будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютыя,

Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

«От вечерни домой шла я нониче
Вдоль по улице одинёшенька.
И слышалось мне, будто снег хрустит;
Оглянулася — человек бежит.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки,
И сказал мне так тихим шопотом:
— Что пужаешься, красная красавица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малиотиной... —
Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная головушка.
И он стал меня целовать-ласкать,
И цалуя всё приговаривал:
— Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь ярких камней, аль цветной парчи?
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью грешною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!

«И ласкал он меня, целовал меня;
На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные...

А смотрели в калитку соседушки,
Смеючись, на нас пальцем показывали...

«Как из рук его я рванулася
И домой стремглав бежать бросилась;
И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок, твой подарочек,
И фата моя бухарская.
Опозорил он, осрамил меня,
Меня честную, непорочную —
И что скажут злые соседушки
И кому на глаза покажусь теперь?»

«Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка;
Родной батюшка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит моя матушка;
А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужой сторонушке пропал без вести,
А меньшей мой брат — дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила так Алена Дмитриевна,
Горючьми слезами заливалась.

Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш брат,
Что с тобой случилось, приключилось,

Что послал ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?»

— Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключилася:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич;
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому;
Уж как завтра будет кулачный бой
На Москве-реке при самом царе,
И я выду тогда на опричника,
Буду на смерть биться, до последних сил;
А побьет он меня — выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежей силою,
На вас меньше грехов накопилось,
Так авось господь вас помилует!

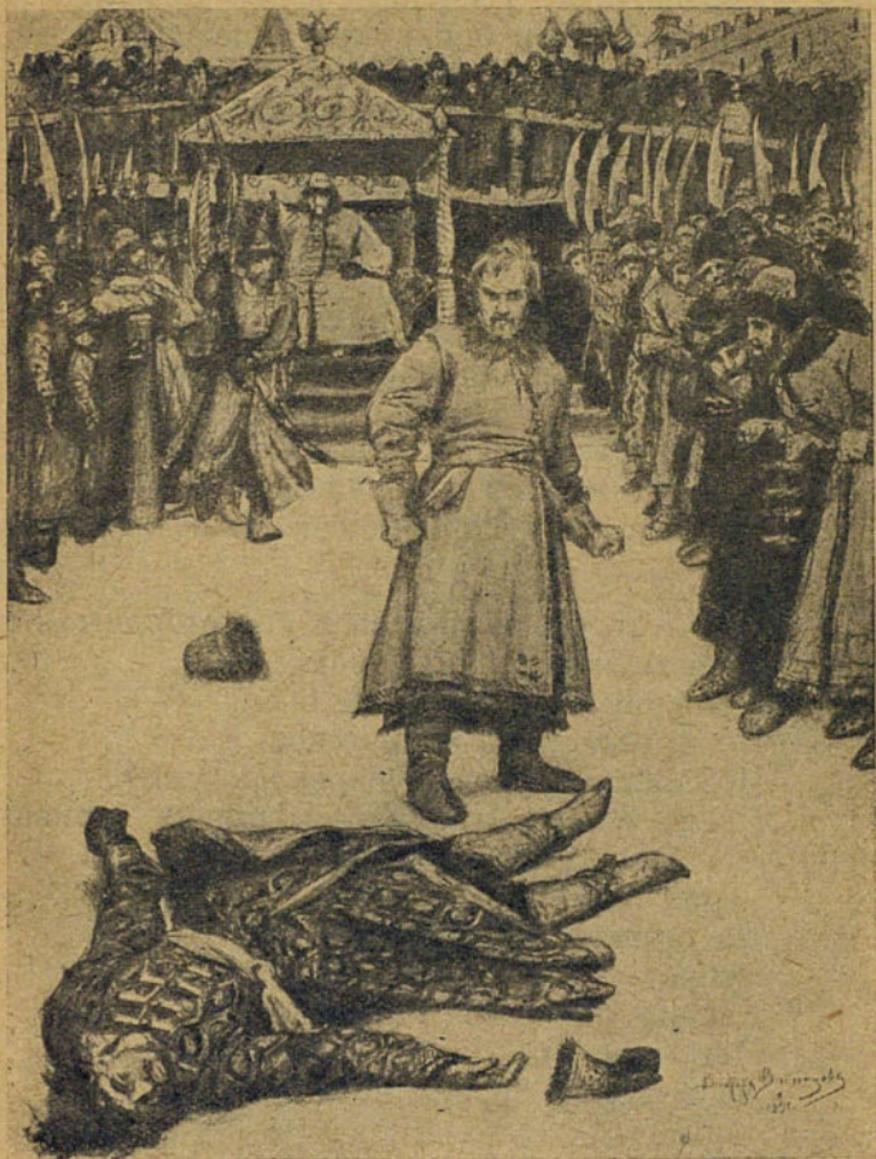
И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушные;
Когда сизой орел зовет голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов убирать,
К нему малые орлята слетаются.
Ты наш старший брат, нам второй отец:
Делай сам, как знаешь, как ведаешь,
А уж мы тебя родного не выдадим».

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

Над Москвой великой, златоглавою,
 Над стеной кремлевской белокаменной
 Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
 По тесовым кровелькам играючи,
 Тучки серые разгоняючи,
 Заря алая подымается;
 Разметала кудри золотистые,
 Умывается снегами рассыпчатыми;
 Как красавица, глядя в зеркальцо,
 В небо чистое смотрит, улыбается.
 Уж зачем ты, алая заря, просыпалася?
 На какой ты радости разыгралася?

Как сходилися, собиралися
 Удалые бойцы московские
 На Москву-реку, на кулачной бой,
 Разгуляться для праздника, потешиться.
 И приехал царь со дружиною,
 Со боярами и опричниками,
 И велел растянуть цепь серебряную,
 Чистым золотом в кольцах спаянную.
 Оцепили место в 25 сажень,
 Для охотничьего бою, одиночного.
 И велел тогда царь Иван Васильевич
 Клич кликать звонким голосом:
 «Ой, уж где вы, добрые молодцы?
 Вы потешьте царя нашего батюшку,
 Выходите-ка во широкий круг;
 Кто побьет кого, того царь наградит;
 А кто будет побит, того бог простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
 Царю в пояс молча кланяется,

Смерть опричника Кирибеевича.

Скидает с могучих плеч шубу бархатную;
Подпершись в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую.
Ожидает он себе противника...
Трижды громкой клич прокликали —
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга поталкивают.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает:
«Присмирели, небось, призадумались!
Так и быть, обещаюсь для праздника,
Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего батюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе стороны —
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников.
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрят пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные ¹ плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,

¹ М о г у т н ы е — могучие.

Ты какого роду-племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду служить,
Чтобы было чем и похвастаться».
Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца,
И жил я по закону господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
Об одном из нас будут панихиду петь,
И не позже, как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи;
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын, —
Вышел я на страшный бой, на последний
бой!»

И услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице как осенний снег;
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло...

Вот молча оба расходятся, —
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посередь груди —

Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мощами из Киева, —
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала; —
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.
И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.
И увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови черные;
Повелел он схватить удалого купца
И привести его пред лицо свое.

Как возговорил православный царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нѣхотя
Ты убил на смерть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?»

— Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что про что — не скажу тебе,

Купец Калашиников прощается со своими братьями.

Скажу только богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову,
Да двух братьев моих своей милостью...

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.
Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспощинно,
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...»

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит, воеет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному ¹
Во рубахе красной с яркой запонкой,
Со большим топором наостренным,
Руки голые потираючи,

¹ Место лобное — помост, на котором в древней Москве совершались казни.

Палач весело похаживает,
Удалого бойца дожидается, —
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:

«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алене Дмитриевне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать;
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим товарищам,
Помолитесь сами в церкви божией
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатила.

Схоронили его за Москвой-рекой
На чистом поле промеж трех дорог,
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской
И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.
И гуляют, шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою;
И проходят мимо люди добрые, —
Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусяры — споют песенку.

Гей вы, ребята удалые,
Гуслиры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали — красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте!
Тароватому боярину слава!
И красавице боярыне слава!
И всему народу христианскому
Слава!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Ю. Лермонтов</i>	3
Парус	7
Два великана	8
Смерть поэта	9
Узник	13
Бородино	14
Три пальмы	19
Беглец	22
Тучи	28
«Прощай, немытая Россия...»	29
Казачья колыбельная песня	30
Воздушный корабль	32
«Горные вершины...»	35
Утес	35
«На севере диком стоит одиноко...»	36
Листок	38
Спор	39
Песня про царя Ивана Васильевича, молодого оприч- ника и удалого купца Калашникова	43

ПЕРЕПЛЕТ И ФОРЗАЦ
 Э. БУДОГОСКОГО

Для начальной школы

Редактор Д. Неусихин. Редактор-художник Н. Ползов. Технический редактор Н. Родченко. Корректора М. Лобанова и С. Цивина. Книга сдана в набор 5/VIII 1938 г. Подписана к печати 28/X 1938 г. Инд. А-8. Ленидетиздат № 87. Тираж 246 тыс. экз. Ленибморлит № 4424. Заказ № 472. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Печ. л. 4. У. а. л. 2,24. Ав. л. 1,94. (98.560 тир. зн. в 1 бум.л.). Бум. л. 4. 2-я типография ОГИЗ РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинский, 26.

Цена в переплете 73 к.

~~1980~~

~~28838~~

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТЕЙ И КНИГИ
ДЕТГИЗА~~

